

Фан Чун прищурился, оглядывая Сяо Чэньюаня, а затем перевел взгляд на Е Чаншэна, который вошел в зал, отстав от Сяо Чэньюаня на полшага. Уголки губ Фан Чуна изогнулись в насмешливой улыбке.

Е Чаншэн совершенно естественно спрятался за спину Сяо Чэньюаня.

Теперь он был надежно укрыт широкой фигурой Сяо Чэньюаня, и чувство безопасности просто зашкаливало.

— Он пришел сюда ради зрелища, а не для того, чтобы навлечь на себя неприятности, — подумал Е Чаншэн. — Великий злодей, конечно, суров, но, должен признать, чувство защищенности рядом с ним выше всяких похвал.

Вспомнив, что сам злодей ранее вслух заявлял о неприязни к мужчинам, да и в книге Сяо Чэньюань всегда держался особняком, Е Чаншэн почувствовал себя еще спокойнее. Находиться подле Сяо Чэньюаня для него было невероятно надежно.

Сяо Чэньюань привык действовать в одиночку, и впервые, когда кто-то так сильно на него положился, в его сердце возникло странное чувство удовлетворения.

Гу Му проследила за взглядом Фан Чуна и сквозь мощную фигуру Сяо Чэньюаня разглядела лишь краешек зеленой одежды Е Чаншэна.

— Сяо Чэньюань, кто это у тебя за спиной? — Гу Му закатила глаза и потребовала ответа.

Сяо Чэньюань едва разомкнул губы, ответив холодным тоном:

— Тебя это не касается.

Гу Му повернулась к главе семьи Сяо:

— Дядюшка Сяо, раз уж у Сяо Чэньюаня есть возлюбленный, давайте аннулируем помолвку прямо сейчас.

Старый глава семьи Гу с улыбкой кивнул, поддакивая:

— Верно, я тоже считаю, что так будет правильнее. Брат Сяо, что скажешь?

Изначально глава семьи Гу чувствовал себя не слишком уверенно. В конце концов, это они первыми нарушили договор, поэтому и пришлось выложить «Таблетку Ци и Крови» в качестве компенсации. Теперь, поразмыслив, он почувствовал, как защемило сердце от жадности. Знай

он заранее, что у Сяо Чэньюаня уже есть кто-то на примете, ни к чему было бы предлагать такую плату за расторжение помолвки.

Глава семьи Сяо невозмутимо убрал «Таблетку Ци и Крови» со стола в свой пространственный мешочек и глухо произнес:

— Пусть будет так. С сего дня помолвка между Сяо Чэньюанем и Гу Му считается расторгнутой.

Сказав это, он поднялся и вышел из главного зала, ни словом не обмолвившись о нефритовой подвеске.

Глава семьи Гу с довольной улыбкой повел Гу Му и Фан Чуна к выходу. Когда они добрались до порога, Сяо Чэньюань протянул руку и преградил им путь.

— Подвеску, — отрезал он.

Лицо старого главы Гу помрачнело:

— Племянник Сяо, что это значит? Мы с твоим отцом уже обо всем договорились насчет расторжения помолвки. Ты что, решил взять свои слова обратно?

Сяо Чэньюань не отступил ни на шаг, чеканя каждое слово:

— Подвеску.

Е Чаншэн, прятаясь за его спиной, почувствовал неладное. Если позволить великому злодею самому выбивать этот залог, боится, кончится всё так же, как в оригинальном сюжете — получит лишь горстку пыли. Как-никак, теперь они с ним в одной лодке, негоже сидеть сложа руки. К тому же эта подвеска — единственное, что осталось у него от матери. Пусть это будет проявлением жалости — помогу ему.

Подумав об этом, Е Чаншэн похлопал Сяо Чэньюаня по плечу и вышел из-за его спины. Прочистив горло, он принял свой обычный мягкий и безобидный вид:

— Господин Гу, эта подвеска — наследство матери старшего господина Сяо. Раз помолвка расторгнута, полагаю, госпожа Гу не станет удерживать у себя вещь, принадлежащую покойной госпоже?

Услышав это, Гу Му помрачнела. Она вытащила из мешочка нефритовую подвеску в форме дракона и с силой швырнула ее в сторону Е Чаншэна:

— Забирай, бесстыжая тварь!

Е Чаншэн мельком взглянул на подвеску и, повернувшись, вложил ее в руку Сяо Чэньюаня. Как и было описано в книге, эссенция крови дракона внутри уже была извлечена. Сяо Чэньюань погладил нефрит пальцами, его взгляд стал темным и нечитаемым.

Глава семьи Гу и Гу Му, чувствуя за собой вину, не осмелились медлить. Пользуясь тем, что Сяо Чэньюань замер, они поспешно проскользнули мимо него и Е Чаншэна, в большой спешке покидая поместье Сяо.

Сяо Чэньюань не стал их останавливать. Эссенция крови дракона, конечно, была драгоценна, но в сердце Сяо Чэньюаня память о матери значила куда больше.

Реакция Сяо Чэньюаня была предсказуемой для Е Чаншэна. В оригинальном сюжете Сяо Чэньюань и глава Гу повздорили, что привело к драке. Глава Гу проиграл и был ранен, а Гу Му в порыве гнева подговорила Фан Чуна напасть на Сяо Чэньюаня. Затем, прямо на глазах у Сяо Чэньюаня, они грубой силой разбили подвеску вдребезги. Это и стало тем самым спусковым крючком, который окончательно превратил героя в злодея. После того случая Сяо Чэньюань в одиночку отправился в Хребет Десяти Тысяч Зверей, а когда вернулся в город Мо Бэй, его мастерство достигло уровня Мастера Боевых Искусств. Первым делом он вырезал весь род Гу, действуя крайне жестоко.

— Пойдем, — сказал Сяо Чэньюань. — Чего застыл?

Он поторопил его бесстрастным тоном, в котором, однако, не было ни капли гнева.

Е Чаншэн невольно улыбнулся, подумав про себя:

— Ученик оказался способным. Такая черта великого злодея — помнить добро, а не зло — пришла мне по душе.

Конечно, Е Чаншэн не знал, что это было особое отношение, предназначенное только для него одного.

<http://bllate.org/book/18490/1773924>